

УДК 81'22:1
ББК 87.3

М.В. Багинская

**О ВНУТРЕННЕЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ИМЕНИ КАК ЗНАКА
(ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИМЕНИ А.Ф. ЛОСЕВА В ТЕРМИНАХ ЛИНГВИСТИКИ)**

Статья посвящена рассмотрению философской концепции имени А.Ф. Лосева с точки зрения лингвистики. Проблема изучения имени в рамках антропоцентрической парадигмы – проблема мультидисциплинарная. С этой точки зрения изучение философских оснований представления имени как особой сущности может внести значительный вклад в классическую ономастику.

Ключевые слова: имя; знак; значение; символ; означающее; означаемое

M.V. Baginskaya

**ON INTERNAL CONTRAVERSY OF THE NAME AS A SIGN
(PHILOSOPHICAL CONCEPTION OF A.F. LOSEV IN A LINGUISTIC CONTEXT)**

The article is dedicated to the philosophical conception of the name originated by A.F. Losev and viewed herewith in a linguistic perspective. The essence of the name is a multidisciplinary problem in the anthropocentric paradigm. Therefore, philosophical reasons for scholastic interpretation of the name as a special entity can make a significant contribution to the classical onomastics.

Key words: name; sign; signifier; symbol; meaning; signified

Современные лингвистические исследования по преимуществу строятся на междисциплинарной основе. Для полного осмысления многих языковых явлений требуется привлечение данных психологии, философии, социологии, культурологии и других наук. Однако не всегда информация, полученная путем изысканий в смежных научных отраслях, в полной мере применима к решению языковых проблем.

Так, зачастую становится необходимым выполнять своего рода перевод из одной терминологической системы в другую – особенно в тех случаях, когда дело касается философской трактовки некоторых лингвистических вопросов. По словам М. Фуко, «каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для данной дисциплины «формы знания – понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями» [Ильин, 1999, с. 41]. Об этом же в свое время писал Р. Якобсон, выделяя внутриязыковой перевод в отдельную категорию [Якобсон, 1978, с. 16].

Следовательно, обогащение лингвистики новыми фактами, доказанными и успешно используемыми в иных научных отраслях, возможно только в результате их интерпретации

в исключительно лингвистическом контексте. «Надо одну категорию объяснить другой категорией так, чтобы видно было, как одна категория порождает другую и все вместе – друг друга» [Лосев, 2009, с. 84].

Философия имени как особая область знания представляет собой ценный источник фактов, которые могут послужить основой для нового, более полного понимания сущности имени. Однако такому пониманию должно предшествовать детальное рассмотрение непосредственно философской основы имени как явления языка и действительности и последующая его интерпретация в сугубо лингвистическом контексте.

Основополагающее понимание имени как слова, а слова как формирующего мысль элемента не противоречит концепции А.Ф. Лосева. Напротив, согласно его рассуждениям, слово, и в частности имя, есть необходимый результат мысли. Только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения; можно сказать, что без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием; слово – могучий деятель мысли и жизни [Там же. С. 97].

Рассмотрение сущности имени и проблемы его значения в русле концепции А.Ф. Лосева включает анализ *до*-предметной структуры имени и его предметной структуры. До-предметная структура включает в себя такие элементы, как фонема, семема, ноэма, предметная сущность (рис. 1).

Рис. 1

Каждый из указанных А. Лосевым элементов имеет свой характер и функции, несколько отличные от компонентов значения слова, которыми оперирует лингвистика, но которые, однако, могут быть интерпретированы в ее контексте. Так, фонематическая составляющая имени (или вообще слова), по А. Лосеву, — это «совокупность членораздельных звуков человеческого голоса, характеризующихся особенностями конкретного лица, их произносящего» [Там же. С. 100]. Определение этого компонента более или менее соответствует лингвистическому определению фонемы и не требует особого объяснения с этой точки зрения.

Что касается семемы, то, по определению А. Лосева, это — та сфера слова, которая «обладает характером значения, значимости» [Там же. С. 102]. Определяя таким образом семему, автор в некотором смысле противопоставляет ее фонеме, не обладающей подобными свойствами, что еще раз указывает на ее близость к понятию, используемому в лингвистике: фонема — минимальная единица языка, не имеющая самостоятельного лексического или грамматического значения.

В составе семемы А. Лосев выделяет следующие компоненты: этимон, морфему, синтагму и пойма. В авторской интерпретации термин этимон заменяется термином корень, поэтому кажется целесообразным понимать его именно как корень, т. е. как основу значения слова или имени. Это та элементарная звуковая группа, которая наделена уже определенным значением, выходящим за пределы звукового значения как такового [Там же. С. 102].

Следующий компонент *до*-предметной структуры имени — морфема — служит для связанности одного слова с другим [Там же. С. 103]. В лингвистических терминах такая морфема — это носитель грамматического значения слова: рода, числа, падежа и т. д. Подобное толкование этого компонента связывает его с понятием парадигмы. Действительно, имея некоторое имя в некоторой форме, мы предполагаем наличие какой-то высшей формы этого имени, содержащей *in nuce*, эту данную форму [Там же. С. 105].

Таким образом, А. Лосев не отказывает имени в возможности иметь закрепленные традицией и правилами связи с другими словами человеческого языка. Напротив, автор, утверждая наличие морфемы в структуре любого из имен, указывает именно на существование парадигматических связей между ними.

Родственные функции в формировании значения слова выполняет синтагма — компонент, сущность которого заключается в том, что каждое слово, входящее в состав предложения, несет на себе энергию всего предложения [Там же. С. 103]. Подобная трактовка функций и свойств несколько затрудняет соотнесение его со схожим понятием, принятым в классической науке о языке. Тем не менее, даже в этом случае можно усмотреть связь с тем, что в лингвистике принято называть синтагматическими связями слова, т. е. связями между единицами языка, обеспечивающими согласование этих единиц. В самом деле, если бы каждое слово значило только то, что оно значит само по себе, невозможно было бы составить никакой фразы из таких слов [Там же. С. 103].

Однако стоит заметить, что соотношение целого и части здесь носит синергичный характер. В интерпретации А. Лосева это соотношение получается совершенно отличным от традиционного. Так, по словам автора, единое и многое есть логически необходимое противоречие, антиномия, ибо одно *не может* быть без многого и *требует* его, а многое само необходимо есть тоже нечто единое, и что это противоречие *необходимо, логически* необходимо примиряется и синтезируется в новой категории, именно в *целом*. «Целое» есть диалектический синтез «одного» и «многого» [Там же. С. 34].

Наконец, пойма — компонент, отвечающий

за смысл слова в зависимости от его расположения внутри фразы, от рифмы и т. д. [Лосев, 2009, с. 104]. Вряд ли этот компонент можно соотносить с каким-либо понятием традиционной структуры слова, однако, очевидно, что значимость его от этого ничуть не уменьшается. Так, пойма имени выходит на первый план в случаях, когда мы имеем дело с молитвами, лозунгами и т. д. Более того, рассмотрение имени в рамках концепции имяславия (а именно ее А. Лосев активно поддерживает и развивает в своих трудах) предполагает наличие в имени этого компонента и его, несомненно, важную роль. Так, пойматический слой в имени выходит на первый план в так называемой Иисусовой молитве, когда молящийся бесчисленное число раз повторяет Имя Господа и смысл которой как раз и заключается в том, чтобы через этот повтор постигнуть сущность Бога.

Похожим образом проявляется пойматическая функция имени, когда оно включено в состав лозунгов и даже – «кричалок». Повторение имени, особый ритм всей фразы сближает в этом смысле любой лозунг с молитвой, тем более что цель у двух этих явлений схожа – достижение особого состояния сознания (для себя ли, для толпы), достижение веры в произносимое.

Возможно также, что в составе таких особых речевых произведений, как молитва, заклинание, проклятие, лозунг и т. д., имя приобретает несколько иной смысл, чем во фразах обыденной жизни. Так, повторение имени любимой женщины может отсылать к абстрактному образу любви вообще, имя Господа в молитве становится символом веры в самом широком смысле и т. д. Таким образом, пойматический слой в имени может быть соотношен с коннотативными значениями, которые могут проявляться в словах (именах) в особых условиях употребления этих слов.

Таким образом, видно, что концепция и терминология А. Лосева хотя и является сугубо философской, авторской, во многом далекой от традиционных постулатов относительно значения имени и слова, все же, так или иначе, содержит в себе указание на грамматическое, предметно-логическое, синтагматическое значение слова.

Кроме того, само рассмотрение указанных элементов в составе именно до-предметной

структуры говорит о том, что они суть нечто отвлеченное от конкретных вещей. Все указанные типы семемы суть типы фонетического или, вернее, внешне-словесного характера [Лосев, 2009, с. 104]. Такое определение близко по смыслу к терминам «означающее» или «план выражения».

И даже указанные автором далее символическое единство семемы (первое символическое единство слова) и полное или общее символическое единство семемы (второе символическое единство слова), первое из которых представляет собой объединение всех компонентов семемы в одном слове, а второе – общее значение слова, *in potentia* содержащее в себе все возможные и мыслимые отдельные значения этого слова, не снижает целесообразности и возможности соотношения этих компонентов именно с означающим.

Отсутствие на данном этапе какого-либо означаемого не отдаляет исследование А. Лосева от постулатов классической семиологии, напротив, структура его знака, представленная именно в таком виде, являет собой структуру в высшей степени завершенную, лишенную всего наносного и неважного. А. Лосев обобщает все указанные выше элементы под общим названием символа, поскольку, по его мнению, в каждом из них совпадает значение и звук [Там же. С. 104]. Однако подобное утверждение наводит на мысль о том, что здесь имеет место не отсутствие означаемого в общепринятом смысле, а неразличение его как такового. Иными словами, для А. Лосева то означаемое, которое имеет ввиду классическая лингвистика, включено в состав означающего, т. е. оно еще не совсем означаемое, поскольку, так или иначе, соотносится со звуковой оболочкой [Там же. С. 106].

Как позже писал У. Эко, наличие или отсутствие референта, а также его реальность или нереальность *несущественны для изучения символа*, которым пользуется то или иное общество, включая его в те или иные системы отношений. Важно понять, как в том или ином контексте ряд звуков, составляющих слово, включаясь в систему лингвистических конвенций, обретает свойственное ему значение, и какие образы рождает это слово в уме адресата сообщения, человека определенных культурных навыков, сложившихся в определенное время [Эко, 1998, с. 49].

В целом следует отметить, что, несмотря на разведенность во времени, выводы А. Лосева и У. Эко во многом схожи в том, что означаемое есть ни понятие, ни предмет. Сходство обнаруживается и в том, что оба ученых с уверенностью утверждают наличие различных означаемых у каждого пользователя языка. У У. Эко это различие связано с понятием лексикода, согласно которому получатель сообщения соотносит изначальное денотативное значение с другим побочными значениями [Эко, 1998, с. 55]. У А. Лосева находим: «...каждый из них волен вкладывать в произносимые им слова совершенно особое значение»; «...смысловая данность несет на себе отпечатки мелких и крупных, местных и временных отличий, связанных с конкретным произнесением слова. Одно и то же предметное содержание слова разные народы понимают по-разному, в сфере народа – по-разному понимают разные индивидуумы, в сфере индивидуума – понимание разнится по разным временным моментам и условиям» [Лосев, 2009, с. 108, 121].

Следовательно, истинное понимание значения слова (имени) предполагает отказ от всего субъективного и переход к так называемой сфере понимания [Там же. С. 110]. На этом этапе совершается переход к *чистой ноэме* – тому, что мыслится в слове, или означаемому. Чистая ноэма есть как раз то, что в обывательском сознании, т. е. в школьной грамматике и психологии, некритично трактуется как «значение слова» [Там же. С. 112].

Таким образом, знаменитый семантический треугольник – без ущерба для его классического смысла в терминах А. Лосева может быть представлен на рис. 2.

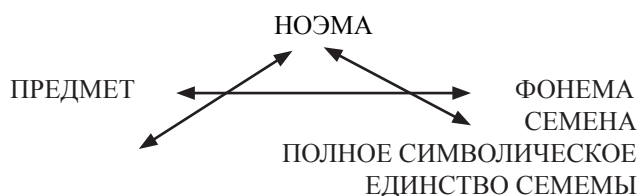

Рис. 2

Можно утверждать, что на определенном этапе в *до-предметной* структуре имени А. Лосева присутствуют все компоненты, обычно включающиеся в структуру значения имени, в понятие знака в лингвистике. Действительно, изначальное в обоих подходах присутствуют предмет реального мира и его имя. Соответ-

ственно, присутствует и мысленный образ в сознании человека, только обозначен он разными терминами. Если в лингвистике это смысл / значение / понятие / концепт, то в концепции А. Лосева это – ноэма. Следовательно, при наличии всех необходимых компонентов возможно даже построение традиционной схемы семантического значения слова.

Понятно также, что для А. Лосева данная схема не дает ответ на вопрос об истинном значении имени. Тем не менее, здесь заложена ценная идея о том, что любое обыденное произнесение слова кем бы то ни было представляет собой лишь комбинацию звуков. Привыкнув ограничиваться теми компонентами значения, которыми оперирует классическая лингвистика, мы никогда не заходим при употреблении языковых единиц дальше ноэмы, в то время как возможность полного понимания имени, следовательно, и полноценного общения остается скрытой.

Эта идея тем более справедлива для имени в парадигме имяславия. Действительно, «имя Бога есть сам Бог» – выражение, отсылающее нас в поисках истинного значения этого имени далеко за пределы того круга понятий, которыми пытается объяснить его язык. В этом снова видно сходство с идеями У. Эко, который весьма критично высказывается по поводу того, что выявление любого означаемого рождает непрерывную цепочку знаков, имеющих этим означаемым каждый предыдущий знак. И, таким образом, языком следовало бы называть систему, которая объясняет сама себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенциональных систем [Эко, 1998, с. 52].

А. Лосев же предлагает способ прервать этот бесконечный процесс семиозиса, но одновременно все же постичь сущность имени. Способ этот заключается в последовательном исключении уже из ноэмы принципа бесконечного варьирования значения слова, подобно тому, как ранее исключалось из семемы все субъективное и формальное. Исключив же этот принцип, получим идею – арену полного формулирования смысла, и далее – предметную сущность имени [Лосев, 2009, с. 116].

Здесь важно остановиться еще на одном

важном моменте, а именно: А. Лосев указывает на наличие в имени кроме предметной сущности чего-то иного. Более того, по его словам, «сущее» и определяется через это «иное». И обе эти ипостаси присутствуют в идее. Таким образом, идея соотносится с понятием знака, обладающего всеми тремя присущими ему видами связи (рис. 3).

Итак, идея вещи есть сама вещь, но данная в своем максимальном присутствии в инобытии. Даже при максимальном приближении к значению имени не обнаруживается ничего материального, нет никакого предмета, на который можно было бы указать пальцем и разрушить всю логическую цепочку, выстроенную в процессе поиска этого значения. Иными словами, даже истинная сущность имени в своем противопоставлении с *не-сущим* носит характер исключительно символический. Не теряя связи ни с одним из элементов структуры, на вершине ее оказывается все же символ.

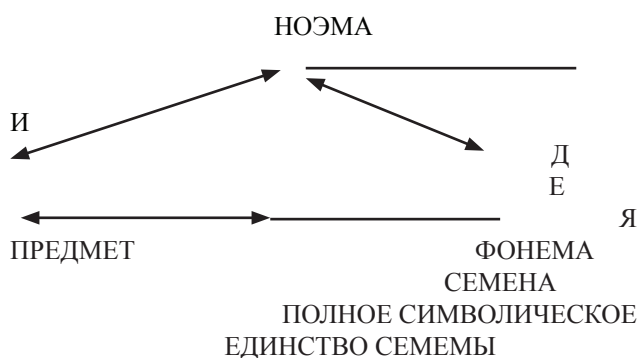

Рис. 3

Таким образом, слово являет собой лишь инструмент, служащий для явления этого символа миру, это своего рода арена встречи предметной сущности с познающим ее субъектом. Такая интерпретация соответствует онтологической (реалистической) концепции языка, согласно которой символ есть не столько «знак отсутствующей реальности», сколько «сама реальность, присутствующая в символе» [Уайбру, 2002, с. 112]. Такое объяснение,

однако, не облегчает поисков истинного значения имени. Напротив, подобная таинственность, размытость границ имени предполагает наличие как минимум двух подходов к его изучению. С одной стороны, мы можем низвести имя «до роли конвенционального и ничем, кроме этой конвенциональности не мотивированного знака», а с другой – возвести его на «тот уровень, где оно выступает как носитель высшего смысла и в этом отношении тяготеет к абсолютной мотивированности» [Топоров, 2004, с. 380].

В любом случае, какой бы подход мы ни выбрали, обыденное, повседневное употребление имени приобретает характер незаконченности, поверхностности. Ведь, если мы употребляем имя как «конвенциональный знак», мы априори отказываем ему в наличии высшего смысла. Если же в нем признается этот смысл, то, употребляя имя вне религиозного или поэтического текста, мы сознательно идем на стирание и нивелирование этого смысла.

Библиографический список

1. Ильин, И.П. Дискурс. Дискурсивные практики [Текст] / И.П. Ильин // Современное зарубежное литературоведение : Энциклопедический справочник. – М. : ИНИОН, 1999. – 319 с.
2. Лосев, А.Ф. Философия имени [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Академический Проект, 2009. – 300 с.
3. Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике [Текст] / В.Н. Топоров // Теория и некоторые частные приложения. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 815 с.
4. Уайбру, Х. Православная литургия : Развитие евхаристического богослужения византийского обряда [Текст] / Х. Уайбру. – М. : Библейско-богословский институт, 2002. – 226 с.
5. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. – М. : Петрополис, 1998. – 432 с.
6. Якобсон, Р.О. О лингвистических аспектах перевода [Текст] / Р.О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 16–24.